

ГИРЯ

Рассказ

Идешь по Невскому, а кругом одни дипломаты, в том смысле, что не сумки, не портфели, не популярные нынче рюкзачки. Дипломат — вещь удобная, особенно для тех, кто учится, поскольку много влезает всяких книг и конспектов, вдобавок ничего не мнется.

В старших классах я обходился без дипломата (с ними, насколько помню, учителя вели войну), зато, повысив свой статус до студенческого, я его сразу приобрел. Да и сложно было не приобрести, когда все однокурсники, словно элита дипломатического корпуса, ходили с этими новомодными изделиями советской промышленности. Мой первый дипломат был черного цвета с двумя металлическими замками и металлической же планкой по всему периметру. Говорю — первый, потому что отходил я с ним только начальный семестр, позабыв его в метро после веселой дружеской пирушки в честь сдачи экзаменов. Потом были и желтый, и коричневый, и даже кирпично-красный; все они долго у меня не задерживались: либо их воровали, либо я сам их терял.

— Что за ерунда, — пожаловался я однажды своему студенческому другу Борьке. — Уж как ни слежу, а они все равно пропадают.

— А другие вещи? — поинтересовался он.

— Только дипломаты.

— Значит, это роковые обстоятельства.

— Что за обстоятельства?

— Непреодолимой силы.

Дальше Борька пустился в рассуждения, какие мистические связи складываются порой между людьми и предметами, но объяснял столь путано, что как я ни силился, понять его не мог. Тем не менее разговор с Борькой пошел мне на пользу. Впервые я задумался над тем, что не только человек выбирает вещь, но и вещь его выбирает. Иными словами, живое с неживым вступает в сложные отношения наподобие тех, какие возникают у людей: симпатия, дружба, безразличие, ненависть... А возможны и неразделенные чувства, как у меня с дипломатами: они мне нравились, тогда как я, по-видимому, вызывал у них отторжение такой силы, что даже находиться рядом со мной им было невмозготу, и при первой же возможности они сбегали к кому угодно, лишь бы от меня подальше. Как бы смешно или безумно это ни звуча-

Дмитрий Михайлович Тарасов родился в 1965 году в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Москва», «Сибирские огни», «Север», «Дон», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. Автор трех книг прозы: романы «Пятый Собор» и «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем», сборник рассказов «Считая до ста». Член Союза писателей России с 2011 года.

ло, теория подтверждалась практикой, ведь и вправду я не терял ни шарфов, ни перчаток, ни авторучек, наоборот, бывало, что находил чужие вещи (но не присваивал). А вот дипломаты...

Их неприязнь ко мне продолжалась до последнего курса, так что когда я появлялся с новым дипломатом, никто уже не спрашивал, куда делся предыдущий. Да я и сам смирился со своими потерями, и если случалось, что дипломат задерживался у меня дольше обычного, то я начинал волноваться, как будто что-то необъяснимое вторглось в мою налаженную жизнь.

Помнится, мы шли с Борькой после лекции, и он говорил:

- Тебе нужен портфель, тогда и проблема решится.
- Лучше ранец, — поддержал я ироничную интонацию друга.
- Нет, саквояж, — от столь блестящей мысли он замедлил шаг. — Настоящий, кожаный, какие берут с собой в дорогу.
- И куда же я буду с ним ездить? — любопытствовал я.

Борька, большой знаток географии, стал называть города и страны, перечисление которых остановил только светофор на Невском. А шли мы, между прочим, в ДЛТ (Дом ленинградской торговли, если кто забыл), чтобы купить пудовую гирию (шестнадцать килограммов, если кто не знает). В то время у нас в институте началось повальное увлечение: приобретались гантели, гири, даже штанги, и все мерились, у кого больше и рельефнее мышцы. Борька уже с месяц тягал железо и теперь в качестве эксперта решил помочь мне в выборе «пудовухи», как он ее называл. Собственно, его консультация не требовалась, поскольку трудно себе представить, чем может одна гирия отличаться от другой; просто тогда мы везде и всюду ходили если не компанией, то вдвоем-втроем и всегда громко о чем-нибудь спорили.

В огромном универмаге, с лабиринтом переходов и лестниц, нас интересовал только первый этаж, где прямо напротив главного входа был спортивный отдел. Когда мы туда зашли, то, по обыкновению, болтали и, выбрав «пудовуху», вступили в очередной жаркий спор. На правах человека, который уже познал радость тяжелой атлетики, Борька объяснял и, мало того, показывал, как правильно делать рывок гири, как толчок, сколько раз нужно присесть с гирей за спиной, а сколько на вытянутой руке.

— Стоп, — сказал я, когда мы, по-прежнему разговаривая, прошли мимо кассы и находились уже перед выходом из универмага. Гирия была у меня в руке. Она-то всем своим весом и напомнила, что мы не заплатили за товар. Я глазами показал на нее Борьке, и он наконец-то замолчал. Некоторое время мы так и стояли молча, прежде чем я произнес сдавленным голосом:

— Бежим.

Человек взрослый подошел бы к кассе, объяснился и заплатил, тем более что деньги имелись, да и цена была невелика. Но мы были молоды, и воображение легко одолело рассудок, нарисовав примерно следующее: мы возвращаемся, чтобы рассчитаться, и нас сразу же хватают, а дальше забирают в милицию, где заводят уголовное дело, ведь если не слушать наших смешных оправданий, мы самые обыкновенные воры.

Бежать с гирей, напомню, весом шестнадцать килограммов было непросто. Как только я устал, а устал я быстро, то передал тяжеленную эстафетную палочку Борьке. Так, подменяя один другого, мы бежали долго и, что в нашем положении казалось особенно страшным, бежали очень медленно, пока не смешались с толпой на Невском уже далеко от ДЛТ.

— Стоп, — снова сказал я, на этот раз запыхавшимся голосом. — Надо передохнуть.

Мы нашли скамейку в глубине одного из всегда открытых в те времена дворики. Пуд железа стоял на земле между нами, а мы, теперь в безопасности, чувствовали себя едва ли не героями. Расходиться совсем не хотелось, наоборот, было желание про-

должать в том же духе. И когда Борька предложил зайти к его знакомому, который жил неподалеку на улице, носившей тогда имя народовой Софьи Перовской, я сейчас же согласился. Только уточнил:

— Прямо с гирей?

— Не бросать же ее здесь!

После такого исчерпывающего ответа я все-таки решился задать еще один вопрос:

— А кто он, этот знакомый?

— Точно не знаю. Вроде как-то связан с искусством.

Он жил в конце улицы в доме по соседству с протестантской церковью. Как узнал я много позже, здание считается шедевром стиля «модерн» и было возведено замечательным архитектором Федором Лидвалем в начале двадцатого века. А тогда мы просто задрали головы вверх, любуясь затейливым фасадом, и Борька вымолвил:

— Умели же предки строить.

Пока поднимались по лестнице, я решил узнать, откуда у Борьки, круг общения которого был далек от богемы, вдруг появилось такое знакомство.

— Родственник, — небрежно ответил он.

— Хотелось бы поконкретнее.

— То ли двоюродный, то ли троюродный брат, черт его знает... Однажды был у него дома, осмотрел коллекцию.

— И как тебе?

— Впечатляет.

Дверь нам открыла пожилая женщина, по виду домработница, и без лишних слов впустила в огромную прихожую. Затем к нам вышел человек лет тридцати, оставив дверь комнаты приоткрытой, и оттуда полилась в коридор живая фортепианная музыка. Он довольно долго смотрел на нас — высокий, худощавый, с постоянной манерой дергать головой, чтобы откинуть со лба длинные, слегка вьющиеся волосы, — после чего, по-видимому, узнав родственника, произнес совершенно неожиданное:

— Вот уж никак не мог предположить такого!

Оказалось, он отмечал день рождения и решил, что мы принесли «пудовуху» к празднику, чему и был несказанно рад, ибо ценил парадокс выше стоимости. Разумеется, при таких обстоятельствах мы с Борькой, незваные гости, умолчали о происхождении «подарка». Оно и к лучшему, подумал я, потому что, как бы мы ни веселились, в глубине души было чувство, что гиря-то краденая. Да и нужна она была лишь для того, чтобы, засунув подальше собственное «я», быть, как все мои однокурсники.

День рождения среди людей, чей внешний вид и манера выражаться разительно отличались от всех моих знакомых, вдобавок в старой петербургской квартире с картинами на стенах, статуями в нишах и антикварной мебелью, казался мне ярким финалом истории, начавшейся в спортивном отделе ДЛТ.

Градус веселья повышался вместе с градусом выпиваемых напитков. Кругом все кружилось так, что хрустальная люстра едва не падала на голову какого-то античного мыслителя, а мыслитель в свою очередь медленно полз к окну с широчайшим подоконником. Человек во фраке рассыпался аккордами на клавишах фортепиано, выкрикивал тост краснощекий толстяк и в такт словам стучал ложкой по тарелке, пела девушка в платье малинового цвета... Воспоминания мои останавливаются на том моменте, когда вместе с хозяином квартиры мы стоим у живописного полотна и я спрашиваю примерно следующее:

— Вадим, а зачем вам гиря, если вы коллекционер?

— Ничто человеческое мне не чуждо, — отвечает он и вроде бы смеется, хотя мое затуманенное сознание воспринимает разговор вполне серьезно. Кажется, я задаю

еще один не менее умный вопрос о том, как складывалась коллекция, иначе не нахожу никакой другой причины, почему Вадим вдруг начинает рассказывать, что на самом деле собиратель его отец, а он лишь по мере сил ему помогает и что последний из предметов искусства был куплен на аукционе, и это...

О чем он говорил? Может, речь шла об античной вазе, или редкой книге, или кресте ювелирной работы, или же о картине фламандского, севильского, венецианского мастера... Не помню.

Наш разговор с Вадимом возобновился спустя много лет. Строго говоря, разговор не был продолжением предыдущего, ибо тогда мы расстались на высокой, пусть и нетрезвой ноте, в то время как теперь начали с обыденного.

— Смешно сказать, я и сейчас помню вашу гирию.

И хотя в его словах была явная подсказка, я долго не мог понять, кто же стоит передо мной и мнет в руках снятую в церкви кепку.

— А вы ничуть не изменились, — сказал Вадим, когда я все-таки его узнал. — Ко мне время было беспощаднее.

Действительно, вместо пышной шевелюры у него была короткая стрижка, седые волосы поредели, оголив виски и лоб, а к губам тянулись две длинные морщины... Однако сколько лет прошло? За эти годы исчезла страна под названием Советский Союз, возникла новая (или, как кому угодно, старая), сменилась общественно-экономическая формация... А я успел, недолго побыв инженером, окончить другой вуз, гуманитарный, и теперь работал журналистом на телевидении. Скажи мне кто-нибудь об этом в те наши общие с Борькой времена, я, как принято в таких случаях, лишь рассмеялся бы в ответ. И если внешне я почти не изменился, то, знаю наверняка, теперь совсем не похож на себя самого, каким был в студенческие годы. Тогда я много суетился, как понимаю сейчас, в поисках близких мне по духу людей, не зная, что среди технически одаренной молодежи ишу их напрасно, что ходят они другими дорогами. Наверное, поэтому друзья из прошлой жизни навсегда там и остались. За исключением Борьки, который сразу после института женился, уехал вместе с женой в Москву, где работал на радиотехническом предприятии. Мы звонили друг другу, изредка встречались. Нас держали вместе общие воспоминания, неисчерпаемые и особо приятные тем, что можно без конца фокусировать память, добиваясь исключительной точности интонаций, жестов, сказанных и даже произнесенных слов...

— Дело не только в наружности, — продолжил Вадим, вероятно заметив мой изучающий взгляд. — Куда важнее другое... Вы не против выйти на улицу, а то здесь как-то неловко разговаривать?

Мы стояли напротив алтаря Казанского собора. Я был в храме, поскольку тематика моей журналистской работы отчасти связана с историей Петербурга, в известной мере с церковным зодчеством. А вот с какой целью здесь оказался Вадим?.. На прихожанина, хоть его дом и находился на близлежащей улице (ей, к слову, вернули историческое название — Малая Конюшенная), он был мало похож.

— Сегодня ровно год, как умер папа, — сказал он, когда мы сели на скамейку перед собором. — В Казанском его отпевали...

Дальше Вадим рассказал, что их квартиру обокрали, вынесли почти всю коллекцию и что папа не смог пережить такого удара. Он умер от инфаркта, хотя раньше никогда не жаловался на сердце.

— Внезапно подскочило давление. Домработница вызвала «скорую»... Когда они приехали, то было уже поздно, — Вадим дернул головой, будто ничего не изменилось ни в его прическе, ни в его жизни. Конечно, я ему сочувствовал, при этом был несколько

ко удивлен, почему он открылся мне, по существу, случайному, первому встречному... Но такова уж человеческая беда, что не делает разницы между своими и чужими, а выбирает в собеседники того, кто окажется рядом. В какой-то момент (я не заметил этого перехода, поскольку напряженно старался представить его отца, которого ни разу не видел) Вадим натужно улыбнулся, по-моему, даже сказал: «Что мы все о грустном да о грустном...» — после чего сообщил мне следующее:

— А вашу гирю не взяли... Только представьте себе: воры, которые тащат пуд железа вместо того, чтобы набить карманы драгоценностями той же массы, но куда большей стоимости, — он, очевидно, представил, потому что его улыбка сделалась более естественной, отчего, правда, стали заметнее морщины.

— В итоге гиря все-таки сменила прописку, — вернулся Вадим к моему давнишнему подарку.

На мой вполне закономерный вопрос он ответил:

— Попросила одна художница, между прочим, очень известная сейчас. Ее работы, в первую очередь инсталляции, недавно были на персональной выставке в Париже. Их купил сам Франсуа Пино! Говорят, и Русский музей ведет с ней переговоры. Елена Музыченко — может, слышали?.. Му-зы-чен-ко...

Современная живопись с ее экспериментами и первенством биографии художника (чем скандальнее, тем лучше) над его картинами, каковые зачастую просто и не требуются, мне никогда не была близка. Мой интерес заканчивается на экспрессионистах, рассуждал я, глядя на афишу выставки, где имя Елена было почему-то написано понизу и слитно, а фамилия шла по диагонали, разбитая на слоги в точности так, как произнес ее Вадим, пожалуй, с год тому назад. Тогда, лишь только он начал рассказывать о мировом признании художницы, к нам приблизилась женщина, одетая вроде бы незатейливо, но в одежды столь кричащих цветов, что аж глаза резало. Она и сама кричала, дескать, ищет его по всему собору, а он, оказывается, сидит здесь и в ус не дует, хотя им уже давно пора идти. Понятия не имею, кто была эта ярко окрашенная, но уж больно она походила на Елену Музыченко, смотревшую на меня с фотографии на афише.

— Пойдем, — то ли спросила, то ли сказала Елена — не Музыченко, а моя жена, вместе с которой мы остановились перед афишей. В отличие от меня, жена с усердием следила за культурной жизнью города и, конечно же, слышала о своей знаменитой тезке.

Я согласился отправиться в художественную галерею, что находилась в приземистом здании на Невском чуть в глубине от красной линии домов, согласился по единственной причине — чтобы не обижать Лену, так стремившуюся на выставку актуального автора. Правда, примешивалась сюда доля любопытства: та ли это женщина, которую я видел у Казанского собора, и еще что-то, данное мне в смутных воспоминаниях и неформальных мыслях об украденной когда-то гире.

Выставка открывалась залом, где были живопись и несколько акварелей. Пять-шесть посетителей переходили от картины к картине и, как подумалось мне с улыбкой, пытались отыскать человека, да все без толку, среди разноформатных миров, похожих на фотоснимки вселенной, какие делают самые мощные телескопы. Две следующие комнаты по площади равнялись первой, но людей собрали куда больше. «Инсталляции и перформансы!» — зазывая, кричал мальчишка, которого очень быстро нарисовало мое воображение, едва я перешел сюда из зала с живописью. Здесь все было в перманентном движении: одно ездило, другое крутилось, третье махало крыльями.

Пока я обходил по периметру обе комнаты, осматривая объекты искусства, Лена куда-то подевалась. Я обнаружил ее в овальном помещении из матового стекла. Ее

взгляд был поднят кверху и прикован к скользящим по металлической конструкции холстам, повешенным на плечики для одежды, наподобие того, как это происходит в больших магазинах, или ателье, или, уж Бог знает, в швейных цехах.

Увидев меня, Лена произнесла нечто культурологическое:

- Столкновение шопинга с искусством.
- Каким бы искусство ни было, — продлил я фразу, и мы направились дальше.

Я уже и думать забыл о Елене Музыченко, будучи поглощен мыслью, как бы поскорее отсюда убраться, когда боковая, по-видимому, служебная дверь отворилась, и оттуда вышла компания с бокалами шампанского в руках. Они оживленно общались, не забывая о шампанском, но сразу смолкли, когда Елена Музыченко (да, я мгновенно узнал в ней ту давнишнюю спутницу Вадима) начала что-то объяснять с жестикуляцией слегка выпившего человека.

Я подобрался ближе к компании, стоявшей возле объекта, который представлял собой уменьшенную модель ленты для выдачи багажа. Такие используются в аэропортах, и рядом с ними скапливаются пассажиры, напряженно вглядываясь в медленно ползущее имущество. Перформанс же, оставляя впечатление, будто зритель только что вышел из самолета, показывал предметы словно бы из разграбленного чемодана, а скорее, из разграбленного дома: по отдельности крутились скомканные брюки и рубашки, ботинки, галстуки, клавиатура от компьютера, телевизионный пульт, гантели, рваные газеты, книги с мятыми страницами.

— Из всего, что здесь, можно собрать или, если угодно, воскресить хозяина этих вещей вместе с его интересами и увлечениями, — произносила модная художница, подлаживаясь под темп движения ленты, и продолжала дальше в том же духе.

Я же задумался над ее словами, и каким бы ни было мое отношение к такого рода работам, сама идея показалась мне интересной настолько, что я даже попытался представить человека, чей багаж то и дело проезжал мимо меня. Образ вышел размытым, что говорило, скорее, о слабости моего воображения, чем о крахе замысла.

Елене Музыченко внимали с серьезными лицами, и, вероятно, кто-то о чем-то спросил, потому что она в веселой тональности ответила:

— Вещи моего бывшего мужа. Уходя, он многое оставил... Нет-нет, не в том смысле, о котором вы подумали, — она рассмеялась. — У нас до сих пор хорошие отношения. Кстати, он дал мне гирию для этой работы.

— А где же она? — пискнула, оторвавшись от бокала, худенькая блондинка, похожая на мелкую домашнюю собачку.

— Заменяла на гантели, — продолжала веселиться художница. — Просто когда уезжала со старой квартиры, не стала таскать с собой такую тяжесть.

— Леночка, это та ужасная квартира на Литейном? — язык у блондинки уже слегка заплетался, очевидно, за дверь, откуда они появились, наливали не только шампанское. — А почему вы не жили у него на Конюшенной?

— Там, видишь ли, коллекция. Осматривать можно, а жить никак.

Тут я услышал, точно со стороны, собственный голос, а затем опять голос художницы, немного удивленный, но по-прежнему звучавший с легкой иронией...

Они направились в сторону объекта с крутящимися «холстами-рубашками». Жена поспешила следом, а я выбрался на улицу, где возле входа была курилка.

Потом, когда мы уже шли по Невскому, Лена все никак не могла успокоиться, поскольку ее прочтение «примерочной» не совпадало с авторским. Я отмалчивался либо повторял, что искусство по природе своей субъективно и потому найденный любым человеком смысл и есть подлинный. Вдруг она спросила:

— Зачем ты задал этот дурацкий вопрос? Не все ли тебе равно, куда делась гирия?

А я и сам не знал, для чего спрашивал. Со мною так иногда бывает: погружаюсь в свои мысли до такой степени, что окружающее просто перестает существовать, а после словно бы выныриваю на поверхность, постепенно восстанавливая то место, откуда исчез, предметы и людей, непонятно в какую сторону сместившийся разговор...

Тот же «дурацкий вопрос» возник снова, когда я сидел в сквере, неожиданно большим для центра города, и дожидался сына из школы, чья белая бетонная коробка с широкими окнами вдоль спортивного зала была явно на совести безымянного советского архитектора.

Леша выбежал прямо в дзюдоистском кимоно и кроссовках на босу ногу.

— Пап, ты за чем?

— За тем, что мама попросила тебя встретить. Говорит, ты с тяжелыми вещами.

— А, ерунда. Но если хочешь помочь, то тренировка заканчивается через час.

— Постой, — я тронул сына за рукав кимоно. Пока я его ждал, в моей голове сложились воедино разрозненные доселе факты: район, где я находился, адрес, названный Еленой Музыченко, и упомянутая ею спортшкола.

— Какая гиря? — Леша рассмеялся и далее объяснил, чем отличается дзюдо от тяжелой атлетики.

Он унесся назад, мой сын, очень похожий на меня, каким я был в молодости, с тем же желанием беспрерывно двигаться и боязнью остановиться, лишь бы не быть наедине с собственными мыслями.

Я выкурил сигарету и только начал другую, как ко мне подсел пожилой собачник. Поначалу он подсвистывал своей дворняге, которая, сделав необходимые дела, резвилась поодаль на единственном зеленом островке сквера, бегала и постоянно тявкала. Ее хозяин был не менее разговорчив, и за короткое время я узнал, что он живет здесь с рождения (на вид ему было под семьдесят, однако морщинистое лицо с обвисшей на щеках кожей могло ввести в заблуждение), скольких жен сменил, сколько разных работ и что последним его местом была должность завхоза в спортшколе.

— В этой? — спросил я лишь из чувства вежливости.

— Не перебивай, — он как будто обиделся, вероятно, из-за того, что я заранее не изучил его биографию. — Тут раньше две школы было. Вон, — он ткнул пальцем в направлении трехэтажного здания, по виду нежилого, — там, значит, дети и тренировались. Борцы, штангисты, боксеры, — он отчего-то вздохнул, стрельнул у меня сигарету и вместе с дымом выдохнул: — Не перебивай.

Скорее всего, я отправился бы гулять по Литейному, оставив Кирилла Владимировича, как он с достоинством отрекомендовался, вместе с его ссорами с родителями учеников, конфликтом с директором школы, гневом на других собачников, — оставил бы его, если бы среди прочего он не рассказал одну историю из своей наполненной событиями жизни.

— Я капусту квашу в бочке, а гирю как гнет сверху ставлю, — возясь с дверным замком, говорил Кирилл Владимирович, ничуть не удивленный тем, с какой легкостью согласился незнакомый человек посмотреть на какую-то гирю.

Сначала он пошел на кухню, долго там чем-то гремел, затем в коридоре рылся в стенном шкафу, после чего полез на антресоли. И поскольку гирю найти не удавалось, а без общения ему было невмочь, он во весь голос рассказывал мне уже во второй раз, как знакомая собачница, переезжая на новую квартиру, подарила спортшколе гирю, а он, когда в свою очередь стала переезжать школа, решил, что ему гиря нужнее (наверняка не только гиря, судя по тому, что комната, дверь в которую была распахнута, больше напоминала маленький спортзал).

Запахавшийся, он слез со стремянки, усталым голосом сказал залаявшей собаке: «Не перебивай» — и обратился ко мне:

— Буду звонить внуку. Похоже, его рук дело.

Внук был вне зоны доступа, тогда как я вполне доступен. Кирилл Владимирович посмотрел на меня с тем характерным прищуром, который не оставлял сомнений, какой будет следующая фраза:

— Давай хлопнем. У меня в холодильнике стоит. А там и внучек объявится, будь он неладен.

Если я и захотел бы выпить, то в последнюю очередь с Кириллом Владимировичем. Однако отказывать пьющему человеку, наперед зная, что последуют уговоры и неизбежная обида, — занятие не из приятных. На выручку пришел Леша, который позвонил с радостной вестью, что тренировка закончилась.

Пожимая на прощание руку, я был уверен, что Кирилла Владимировича больше не увижу. Обстоятельства, однако, сложились по-другому.

Моя сестра собралась менять квартиру. Подобно любой старой деве, Люба замещала заботы о семье всякими, как она себя убедила, важными делами. Таким важным делом как раз и был переезд из спального района в центр города. Отказать в помощи было невозможно, потому что, как бы я ни относился к ее забавам, Люба была моя единственная сестра. А второе... По причине одиночества она сделалась невыносима в общении, то впадая в ступор, то, наоборот, тараторя без умолку, в зависимости от того, какой сериал смотрела накануне, какую книжку читала, какие видела сны и так далее до бесконечности. Поэтому у собеседника, в данном случае у продавца квадратных метров, разговаривай он с нею сначала с утра, а потом, допустим, вечером, могло сложиться впечатление, будто перед ним два разных человека — или один, но сумасшедший. Чтобы не подвергать психику Любы таким испытаниям, ей был необходим сопровождающий.

За день мы должны были посмотреть три «варианта», как называют квартиры пронырливые риэлторы. Адрес первого же варианта привел нас в тот самый двор с уродливой коробкой школы. Мне сразу вспомнилось, что вышло из случайного знакомства с местным собачником, и я почему-то уже не сомневался, что идем мы именно к Кириллу Владимировичу.

В силу ли возраста или просто потому, что был навеселе, он меня не узнал, а мне узнавать его не было никакого резона. Мы представились по всем правилам, какие приняты между деловыми людьми, и я с понятной только мне иронией произнес: «Не перебивай», после чего кратко изложил суть наших условий. На Любу я не рассчитывал, ибо она пребывала в состоянии крайней задумчивости. Когда я утром заехал к ней, то был поражен неожиданным наблюдением: мы во многом похожи, недаром же брат и сестра, с той только разницей, что, в отличие от меня, она выпадала из потока жизни надолго, и порой казалось, будто возвращаться назад ей не очень-то и хочется.

Между тем Кирилл Владимирович живописал достоинства квартиры самыми яркими красками. Был весьма красноречив, сравнивая прихожую с прелюдией (правда, я не понял к чему), а балкон — с пейзажной террасой. Какой напиток вызвал в нем такой душевный подъем, можно было только догадываться (думаю, однако, никак не меньше чем сорок градусов). Несмотря на все его старания, Люба оставалась безучастной, да и мне надоел этот спектакль, тем более что впереди нас ждали еще два, и нужно было определить, какая из декораций лучше.

Перед тем как попрощаться, я спросил ради забавы:

— Капусту квасите?

— О-па! Откуда знаешь?

— Так, интуиция.

«Ода квашеной капусте» не прозвучала лишь потому, что откуда-то выскочила собака, своим лаем опередив характерные звуки ключа в наружном замке. Через несколько секунд к нашей компании присоединилась девушка невысокого роста, с короткой стрижкой, чуть вздернутым носом и веснушками по его бокам.

— О, Маринка! — вскричал Кирилл Владимирович и, не отвлекаясь от разговора с ней, коротко бросил в нашу сторону: — Жена внука.

Тут вдруг, впрочем совершенно в своем стиле, проснулась Люба:

— А где ваш внук?

— Да пропади он пропадом! Я вот Мариночку больше люблю, — он погладил ее по голове. — Повезло этому балбесу с женой.

От того, как идеально побелены потолки и какой качественный немецкий ламинат лежит в коридоре, он естественным образом перешел к похвалам в адрес девушки, а закончил самым, на его взгляд, убедительным аргументом:

— Она еще и фитнесом занимается!

— А чем занимается ваш...

Я с силой дернул сестру за руку и подтолкнул к дверям. Разбираться, почему так заинтересовал отсутствующий внук старую деву, не было ни времени, ни желания.

Квартира Любе не понравилась (к слову, мне тоже). А про гирю я спрашивать не стал. Бог с нею, с неуловимой, пускай себе ходит по рукам, иногда менее, иногда более достойным. Мне-то что за дело?..

Прошло изрядно времени, и судьба привела меня в ДЛТ (аббревиатуру сохранили как бренд, хотя никакой «ленинградской торговли» и в помине не было). Любопытно, что с того дня, когда мы с Борькой украли гирю, я сюда не заходил. Сначала из-за глупого юношеского страха, что узнают, схватят, а после так, что ли, складывалась жизнь, направляя меня на другие улицы, в другие магазины...

Прежде чем отправиться на Большую Конюшенную, я вкратце, как всякий телевизионщик, чья профессия — знать обо всем понемножку, — изучил историю ДЛТ. Здание, что редкость, сразу строилось как универмаг, и в 1909 году здесь был открыт Торговый дом Гвардейского экономического общества, где офицеры пользовались скидками. Само собою, после революции гвардейцев изгнали, и залы универмага наполнились трудящимися массами. Теперешних посетителей ни к офицерству, ни к пролетариату при всем желании не отнесешь. Ходят сюда жены и дочери предпринимателей и чиновников, ибо кому, кроме них, по силам купить футболку за сто тысяч или сумочку за пятьсот. Вот, собственно, что представляет собой нынешний ДЛТ... Говоря языком телевизионного репортажа, сегодня универмаг — это более семисот брендов на пяти этажах магазина премиум-класса.

Набирая телефон здешнего менеджера, который должен был все показать и рассказать, я не понимал, с какой целью мы будем снимать свой неприязнительный сюжет среди этой роскоши. Впрочем, на телеканале виднее, подумал я, наверняка владельцы брендов сделали предложение, от которого невозможно отказаться.

— Вы без оператора? — несколько удивленно спросил шустрый молодой человек, одежда, внешность и манеры которого складывались в одно слово — пиарщик.

— Оператор будет чуть позже.

Мы с Олегом всегда так поступали: я приезжал заранее, чтобы, как Олег выражался, жалом поводить и пощелкать клювом, после чего объяснял ему, как снимать и с кем писать интервью.

Вслед за пиарщиком я переходил из одного зала в другой, где слева и справа были ювелирные украшения и часы, сумки и аксессуары, косметика и парфюмерия. От каждого из бутиков исходил специфический и сильный запах; смешиваясь, они превращались в густое, приторное и головокружительное. Меня слегка подташнивало.

— А здесь у нас временная выставка, — показал пиарщик на несколько витрин, стоявших полукругом в простенках между белыми колоннами.

— Мне говорили, что будет музей, — пошутил я, чем вызвал замешательство у пиарщика, чья деловитость напрочь лишила его чувства юмора. Впрочем, он быстро нашелся:

— В дальнейшем планируем сделать временную выставку постоянной.

Хорошо, когда съемка начинается с вранья, тем самым у корреспондента развязаны руки в отношении правдивости передачи материала.

— С кем можно записать интервью? — поинтересовался я самым безразличным тоном.

— Пожалуйста, Галина Сергеевна, — позвал пиарщик, и тотчас от колонны, доселе сливавшаяся с нею, отделилась женщина в белом платье. Своим быстрым высоким голосом она стала рассказывать, что выставка представляет советский период ДЛТ и с помощью аутентичных предметов показывает универмаг прошедшей эпохи, что, в свою очередь, подчеркивает, какой огромный путь был пройден, чтобы достичь сегодняшнего блестящего состояния.

Люблю на съемках таких говорливых: им только назови тему, слушай да кивай головой, а потом бери из сказанного любой кусок и вставляй его в нужное для репортажа место. Правда, я ее перебил, поскольку вопрос был безотлагательный:

— Кроме вас, кто будет давать интервью?

Она растерялась:

— Делегировали только меня...

— Так не пойдет. По правилам журналистики надо хотя бы двух человек. Кроме того, мы, так сказать, придадим сюжету больший объем.

Галина Сергеевна начала крутиться в поисках подмоги, но деятельный молодой человек улизнул, очевидно, пиарил где-то в другом месте. Оставшись без указаний, она попыталась мыслить самостоятельно, и это ей удалось:

— Некоторые сотрудники приносят из дома старые вещи для выставки. Вам такой вариант подойдет?

— Как раз то, что нужно. Нет людей благороднее, чем дарители.

Пока она разыскивала коллег, я бегло осмотрел выставку. Каждая из витрин отражала определенное время, начиная с 1935 года, когда универмаг стал называться ДЛТ. Расположенные в хронологическом порядке, стояли или лежали на стеклянных полках патефоны и печатные машинки, подстаканники и елочные украшения, мельхиоровые столовые приборы и оловянные солдатки, куклы с целыми или ампутированными ногами, грампластинки, потертые запонки, настенные часы, гребни для волос...

Такое количество вещей никак не влезало в сюжет, хоть запикивай, но я уже не был корреспондентом, и в меня с легкостью вмещалось маленькое и большое, угловатое или же круглое. Словно в детстве, я собирал предметы в таких комбинациях, чтобы сами собой появлялись вокруг них люди, без разницы, из какого они времени, живые или давно умершие... Вот военный летчик, если судить по его форме и шеврону с крыльями, заводит патефон и вместе с девушкой в крепдешиновом платье танцует что-то медленное, а после они удаляются в глубину комнаты, и остается распахнутое на балкон окно с трепыханием невесомых занавесок, и жаркое лето, текущее густым воздухом мимо строящейся сталинской многоэтажки... И уже наплывает на эту картину

следующая: за массивным столом возле окна сидит мужчина в круглых очках, по виду ученый, и щелкает по клавишам печатной машинки, то и дело перебрасывая каретку и задумываясь, а на другой машинке, швейной, работает его жена, женщина с приятным и сосредоточенным лицом, выкраивая из ситца легкое платье. Стяжками, буквами, молчанием и тяжелым боем настенных часов набухает зимний вечер, пока не появляется мальчишка (сын или внук?), подзывая взрослых к невидимой до этого елке, которая теперь переливается разноцветными огнями гирлянды, и вот уже они все вместе достают из огромной коробки завернутых в хрустящую бумагу звездочетов и птиц и вешают их на еловые лапы...

Я остановился возле витрины восьмидесятых. С тихим стрекотанием по железной дороге родом из ГДР ехало мое детство вместе с игрушечным локомотивом и прицепленными к нему вагончиками. В поезде детства, не стоит сомневаться, были проектор с заправленным в него диафильмом, электровафельница, формовки для леденцов... А чуть выше, на другой полке, была моя юность. И здесь я слушал кассетный магнитофон «Астра», на лыжах марки «Карелия» наматывал круги вокруг школы, катался на коньках в «коробке» рядом с домом...

Кто-то тронул меня за плечо, и, обернувшись, я увидел Олега, а позади него видеокамеру на штативе.

— Что снимаем, кого пишем? — задал он свой обычный вопрос.

— Люди для интервью сейчас подойдут, а ты пока снимай здесь, — я обвел рукой выставку, и вдруг мой взгляд упал на «пудовуху», поставленную в самом низу, поскольку не поставишь же такую тяжесть на стеклянную полку. Я нагнулся, чтобы лучше... Хотя что тут рассматривать? Гиря — тот редкий предмет, чей внешний вид не меняют ни время, ни мода. По соседству с «пудовухой» расположились другие мои «знакомцы»: фотоаппарат «Зенит», доставшийся мне от отца; первый советский видеоманитофон «Электроника», на котором студентами мы смотрели кассеты, понятно какого содержания; калькулятор, имевший, помнится, функцию программирования. Узнал я и вязаную шапку, неизвестно по какой причине и совершенно незаслуженно названную «пидоркой», и дипломат студенческой поры, их было даже два, черный и синий с распахнутой крышкой, откуда виднелись конспекты и учебники.

И хотя ни синего дипломата (мой-то всегда от меня убегали), ни гири с облезавшей черной краской (моя, единственная, отчего-то шла за мной по пятам) я никогда не держал в руках, у меня от волнения перехватило горло. Точно все эти вещи, чьи бы они ни были, принадлежали мне, и, подобно мозаике, я складывал из них самого себя. Мне вспомнился перформанс актуального автора, и я, именно я, был тем пассажиром возле багажной ленты, который высматривает свое среди чужих чемоданов и сумок вовсе не за тем, чтобы схватить и умчаться, а, напротив, долго разглядывать и, скорее всего, опять положить на ленту. Ведь движение не прекратить, можно только постараться понять, кем ты был прежде, чем похож или чем отличаешься теперь...

Знакомый высокий голосок окликнул меня, а следом возникла Галина Сергеевна, заявив, что готова к интервью.

По привычке я смотрел на нее, иногда оборачивался к оператору, но думал о своем, будучи уверен, что она из тех, кто произносит исключительно правильные слова.

Закончив, Галина Сергеевна сказала:

- Как вы просили, я привела нашу сотрудницу.
- Какую? — спросил я, напрочь забыв, о ком речь.
- Ну, которая принесла вещь из дома.
- И что она принесла?
- Вы не поверите — гирю!

Дальше Галина Сергеевна начала объяснять с улыбкой (должно быть, в ее глазах это выглядело смешным), как хрупкая девушка привезла в универмаг целый пуд железа и как все были поражены такому неожиданному дару...

Я вышел из ДЛТ то ли хмурый, то ли просветленный, то ли задумчивый. Не знаю. Но вышел другим. Было чувство, будто что-то закончилось, начинается что-то новое.

Сидя на скамейке напротив универмага, я уже знал, что тот сюжет, который ждут в редакции, я писать не буду, пускай хоть штрафуют, не буду потому, что его задорный новостной тон оскорбителен для меня и насквозь лжив. Это всего лишь эпизод, насильно вырванный из контекста огромного и неведомого замысла...

Я набрал Борькин номер — только ему я мог сейчас открыться, — однако телефон был занят. Ко мне подсел Олег и, как обычно, стал над чем-то подсмеиваться, но его слова не доходили до меня, как не доходили и звуки шумной Конюшенной улицы. Потом он пожал мне руку и поехал в студию с отснятыми материалами. А я остался и, выждав время, пока все разойдутся, вернулся на выставку и без отрыва глядел на «пудовуху», ту самую, которую мы украли отсюда еще безусыми юнцами.

Вот-вот должен был перезвонить мой «подельник», и мне хотелось, дернув за начальное звено, вытянуть цепочку целиком, а вместе с нею и объяснение всей этой хитро закрученной истории. Но простые и точные слова не приходили на ум. Я мог только чувствовать и, скорее, доказал бы теорему Ферма или что-то подобное, чем сумел бы рассказать другу о смысле событий, тянувшихся на протяжении стольких лет и вот теперь закончившихся, когда ко мне подошла дарительница и оказалась той девушкой с веснушками, которую Кирилл Владимирович любил гораздо больше, чем своего внука.